

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Народный отпор чужестранным учреждениям

«Отчего, по-видимому, ты так безобразна, наша святая, великая Русь? Отчего все, что ни посеешь в тебе доброго, всходит негодной травой, вырастает бурьяном да репейником? Отчего в тебе, – как лицо красавицы в кривом зеркале, – всякая несомненная, прекрасная истина отражается кривым, косым, неслыханно уродливым дивом?..»

Иван Сергеевич Аксаков
Народный отпор
чужестранным учреждениям

Отчего, по-видимому, ты так безобразна, наша святая, великая Русь? Отчего все, что ни посеешь в тебе доброго, всходит негодной травой, вырастает бурьяном да репейником? Отчего в тебе, – как лицо красавицы в кривом зеркале, – всякая несомненная, прекрасная истина отражается кривым, косым, неслыханно уродливым дивом?.. Тебя ли не наряжали, не румянили, не белили? За тобой ли не было уходу и призору? Тысячу прислужников холят тебя и денно и ночью, выписаны из-за моря дорогие учителя; есть у тебя и немцы-дядьки, и французы-гувернеры, – а все-таки не впрок идет тебе ученье, и смотришь ты неряхой, грязным неучем, вся в заплатах и пятнах, и, как дурень в сказке, ни шагу ступить, ни слова молвить кстати не умеешь!..

Оттого я так безобразна, отвечает святая Русь, что набелили вы, нарумянили мою красу самородную, что связали вы по рукам и по ногам мою волю-волюшку, что стянули вы могучие плечи во немецкий тесный... кафтан!.. И связали, и стянули, да и нудите: ходить по полю да не по паханому, работать сохой неприлаженной, похмеляться во чужом

пиру, жить чужим умом, чужим обычаем, чужой верою, чужой совестью! О, не хольте меня, вы отцы, вы благодетели! Не лелейте меня, вы незваные и непрошеные, вы дозорщики, вы надсмотрщики, попечители, строители да учителя! Мне невмочь терпеть вашу выправку! Меня давит, томит ваш тесный кафтан, меня душат ваши путы чужеземные! – Как не откормить коня сухопарного, не утешить дитя без матери, так не быть мне пригожей на заморской лад, не щеголять мне красою немецкою, не заслужить у Бога милости не своей душой!

И действительно, слова «безобразный» и «безобразие» часто слышатся теперь в нашем обществе, когда речь идет о России. И кажется, трудно сыскать выражение более меткое и в такой степени идущее к делу. Болезненно гнетет душу вид этого безобразия; многих точит, как червь, тайное, глухое уныние; но многие же, и едва ли не большая часть, утешают себя соображениями о незрелости и невежестве народа, которому «стоит только просветиться, чтобы сделаться совершенно приличным народом, способным стать нарав-

не с народами чужими»:

Безобразие! Да знаем ли мы, в чем его смысл и сущность? Понимаем ли мы, как много обязаны мы этому спасительному безобразию? В нем, в этом безобразии выражается протест живой и живучей, непокорившейся силы народной; в нем отрицательный подвиг самобытного народного духа, еще хранящего веру в свое историческое призвание; в нем таится великая историческая заслуга, которую со временем оценят благородные потомки!

Многим покажутся наши слова парадоксом, но мы просим их возобновить в своей памяти историю последних полутора столетий. С тех пор, как расстроились отправления цельного организма, нарушилось единство в русской земле, отшиблась память, и взаимное недоверие и непонимание разделило простой народ от служилой и образованной части общества, русская земля подвергалась всякого рода пробам и испытаниям. Как китайские тени в фонаре, сменялись в нашем обществе реформы, преобразовательные и созидательные доктрины, и разные модели, по которым

отливались формы для русского народа. Общество снисходительно смотрело на народ, как послушное и годное место, из которого легко вылепить потребную на всякое время фигуру. Но формы были не по народу, все лопались и разбивались, оставляя однако же на нем свои обломки. Вид, конечно, неблагообразный, но чтоб порадовать наши взоры своим благообразием, народу следовало бы поприжаться, съежиться, пожертвовать некоторыми необходимыми для своего существования органами и услужливо уложиться в форму нынче голландскую, завтра шведскую, нынче стать совершенным немцем, а завтра еще более совершенным французом.

Он не стал ни тем, ни другим, он сохранил свою русскую душу, не польстился ни на какие блага, не изменил своей русской природе, — и покрытый лохмотьями иноземных одежд, утомленный борьбою, но не уступивший в борьбе, предстоит перед нами в своем многовещем, громадном, величавом безобразии!

Поясним нашу мысль примером. Было время, и еще недавнее, когда в ходу и в чести бы-

ли в Европе ремесленные цехи и корпорации, – законный продукт западной истории, спасший автономию и независимость городских общин. Совершив свое историческое призвание, цеховое устройство обратилось в тягость самим общинам, стало быстро клониться к разложению, наконец, при первом удобном случае, в большей части местностей, было вышвырнуто за окно, как ненужная ветошь. Тем не менее самое начало корпораций глубоко засело в плоть и кровь немцев. Мы находились в совершенно иных исторических условиях; цеховое ремесленное и всякое подобное устройство, основанное на формальном, условном, внешнем, принудительном элементе, противно самой сущности духа славянских племен вообще и русского народа в особенности, противно их стремлениям к внутренней свободе жизни, их коренному общинному началу. В наше время защитников средневековой цеховой организации уже не является, но в XVIII веке русское общество, точно так же, как и в XIX, увлекалось внешним благообразием Запада, так же жило чужим умом и верило чужой верой, – и стало

вводить в Россию цеховое ремесленное устройство. Дико звучали русскому рабочему люду все эти иностранные названия и слова «альдерманы», «экзамены», «мейстеры», «бюргеры», «магистраты» и «ратуши»; непонятны были ему эти, теснившие его жизнь, «привилегии», это право собираться в «гербергах», которое и поныне читаем в Ремесленном Уставе, эти значки, трости и печати с гербами и всевозможные деления и подразделения, всякие администрации и регламентации. Но требование общества не было какими-нибудь *ria desideria*, или платонической мечтою: оно было приведено в исполнение. Молодые доктринеры, передовые люди и прогрессисты того времени, глумясь и потешаясь над упрямством и невежеством русского народа, усердствовали на просторе со всею искренностью непонимания, со всем жаром близорукого убеждения, со всей дерзостью тупоумной благонамеренности. Стоном стояла русская земля, упорно сопротивляясь, – кряхтел русский быт в объятиях прогрессистов, трещал и ломался древний обычай...

Что же, читатель, вы, который теперь, вме-

сте с современной Европой, обличаете и на кафедре и в обществе ложь цехов и корпораций, – были бы вы рады, если б русский человек принял эту ложь в свою душу, если б это немецкое начало пришлось ему по сердцу, если б посеянное расцвело в нем, так же как на германской почве, розаном немецкого благоустройства? Скажите, читатель, жалуясь на безобразие Руси, хотели бы вы разве, чтоб русский человек приобрел благообразие немца, и для этого, – как необходимое условие, условие *sine qua non*, – стал бы немцем, сузился бы в немца, взял бы себе идеалом немецкую добродетель и благодетельность? Ответ ваш несомненен: вы не желаете такого превращения ни за что в мире, и не потому не желаете, чтоб вы не уважали всею душою глубины германского духа и его исполинских заслуг человечеству, но потому, что вы чувствуете, что русскому человеку в немце было бы душно и тесно, и что в нем живут стремления к иному, может быть, даже высшему идеалу. Но если вы так отвечаете на вопрос, когда он так просто поставлен, в примере цехового устройства, зачем же вы продолжаете с преж-

нею неразборчивостью навязывать русской земле новейшие изобретения выписанных вами из-за границы доктрин и теорий, о которых европейская критика еще не успела произнести своего последнего слова и которые потому принимаются вами на веру, с слепым благоговением? Или вы думаете, что не порастут они на русской почве тем же безобразием, каким поросли пересадки XVIII века? Зачем продолжаете вы не знать, или, выражаясь пестрым языком нашего общества, «игнорировать» ту органическую силу, которая проявляет себя в современном безобразии нашей родной земли и громко вопиет о нашем невежестве и отчуждении от народа?

Возвращаясь к приведенному нами примеру, скажем, что нам случилось обозревать ремесленное устройство во многих городах России, что ничего отвратительнее быть не может, и что мы сердечно порадовались этому безобразию, – не тому, что было тут грязного и порочного, но тому внутреннему сопротивлению жизни, которое сказалось в этом отрицательном, печальном и в то же время радостном явлении. Предоставляем теперь чи-

тателю самому проверить в своей памяти, со времени Петра, во всех отраслях нашего общественного быта, весь этот ряд устройств, регламентов и учреждений, вводившихся и изменявшихся не вследствие потребностей жизни, но вследствие подчиненного духовного отношения к Западу и неподчиненного, и уж несколько не духовного отношения к русской жизни.

Что же говорите вы нам нового? – скажут многие из читателей. Дело известное, что в каждой земле следует применяться к ее нраву. Дело известное, ответим мы, а все-таки наше общество продолжает держаться той же дороги! Дело известное, мы и не думали сказать что-либо новое, а все же нам кажется, что поставленная нами точка зрения на безобразии как на протест самой жизни народной против посягательств образованной и влиятельной части общества, как на историческую заслугу, в большей части случаев, нашего народа, представляет многое в народном невежестве и в нашей цивилизации в ином свете, изменяет оценку некоторых явлений и переносит в некоторых отношениях об-

винение с обвиняемых на обвинителей...

Пусть же воздержатся молодые доктрины от всякого нового насильственного искажения Русской земли, пусть не накладывают они ни белил, ни румян, чтобы сделать ее европейскою красавицей: она ответит еще пущим безобразием! Пусть не заботятся они и об излечении безобразия внешними способами, а пусть сами отстранят себя, дав простор внутренним силам народного организма. Пусть, вместо заносчивой благонамеренности и самонадеянного стремления образовывать русский народ, проникнутся они некоторым смирением пред явлениями его жизни, уважением к фактам истории, пусть задумаются наконец над несокрушимою твердостью коренных основ и духовных начал народного быта.

Почтим же подвиг народа, который, не имея иных средств протеста (ибо органы, необходимые для полноты и стройности жизненных отправлений, были у него оторваны), тем не менее сохранил и уберег себя, для нас, от всяких предлагавшихся ему разношерстных благообразий! Ему, при его положении,

оставалось одно: перебыть и перемочь, и он перебыл и перемог не одно злое и лживое начало, и Бог даст, перебудет и переможет!